

Шан Сижуй уже закончил гримироваться, его лицо было покрыто румянами и белилами, а голова украшена золотыми и серебряными драгоценностями. Увидев Чэн Фэнтая, он радостно подпрыгнул, подбежал к нему и, схватив за руку, с улыбкой сказал:

— Господин Чэн! Как вы сюда попали?

Затем он обернулся и крикнул Сяо Лай принести чаю. Сяо Лай ответила, но не двинулась с места. Чэн Фэнтай не стал обращать на это внимания, медленно проведя пальцами по бахrome на груди Шан Сижую:

— Опять Ян Гуйфэй?

Шан Сижуй кивнул:

— Да. Вы пришли как раз востро, сегодня идет «Дворец вечной жизни».

— А, Ян Гуйфэй и император Мин-хуан.

— Господин Чэн, присядьте посмотреть? Я ведь должен вам спектакль.

Чэн Фэнтай ответил:

— Нет, я не смотрю такие вещи. Я уже стар для любовных драм. Просто зашел поздороваться, ха-ха.

С этими словами он снова потрогал головной убор Шан Сижую:

— Это стекло? Блестит.

Шан Сижуй с улыбкой позволил ему трогать, думая, что Чэн Фэнтай, кажется, пьян, но его взгляд был ясным, что не похоже на опьянение. Он сказал:

— Мой «Дворец вечной жизни» отличается от обычного. Если вы проявите терпение, то поймете. Это постановка Ду Ци, текст максимально прост и лаконичен. Мы с ним работали над ней целый год, вложили в нее много сил, и я уверен, что вы не пожалеете.

Чэн Фэнтай еще не успел ничего сказать, как Шэн Цзыюнь с возбуждением вбежал через переднюю дверь. Увидев Чэн Фэнтая, он испугался и невольно отступил назад, на лице появился страх. Он не ожидал, что его снова застанут здесь, и боялся, что Чэн Фэнтай доложит об этом его семье в Шанхае. Он пробормотал:

— Господин Чэн, я...

Чэн Фэнтай, сам ведя себя неподобающе, любил поучать молодых. Он с саркастической улыбкой посмотрел на Шэн Цзыюня:

— О? Наш студент снова здесь? Пришел за знаниями?

Шэн Цзыюнь, стоя у двери, замялся, на лбу выступил пот. Шан Сижуй, видя его смущение, вмешался:

— Спектакль скоро начнется, господин Чэн, проходите в зал.

Шэн Цзыюнь хотел что-то сказать Шан Сижуй, но, взглянув на Чэн Фэнтая, молча последовал за ним.

Театр Цинфэн был вдвое больше обычного театра, но в дни, когда выступал Шан Сижуй, зал был всегда полон. Не только все места были заняты, но и стоячие билеты раскупались, и люди выстраивались вдоль стен. Чэн Фэнтай и Шэн Цзыюнь поднялись на второй этаж в левую ложу, как раз на том же месте, где они впервые смотрели Шан Сижуй в Башне Хуэйсянь.

Спектакль начался с шуток Гао Лиши, император жаловался на одиночество. Шан Сижуй, играя Ян Гуйфэй, вышел на сцену, и Чэн Фэнтай понял, что это место было идеальным. Хороший лицедей не только владеет телом и голосом, но и взгляд его полон очарования и игры. Он не понимал, как Шан Сижуй, обычно такой наивный и простодушный, на сцене превращался в другого человека, его движения и выражение лица были наполнены глубоким смыслом, будто он прожил долгую жизнь и повидал многое.

Шан Сижуй пел, а Чэн Фэнтай, не понимая смысла, начал скучать. Он улыбался, глядя на сцену, и спросил у Шэн Цзыюня:

— О чем он поет?

Шэн Цзыюнь уже был заморожен. Как только Шан Сижуй начинал петь, он терял связь с реальностью. Он сжал текст в две строчки и перевел для Чэн Фэнтая. Чэн Фэнтай слушал и вдруг сказал:

— А это откуда? В прошлый раз такого не было.

Шэн Цзыюнь ответил:

— Это Шан Сижуй... то есть господин Шан и Ду Ци вместе изменили.

Чэн Фэнтай спокойно сказал:

— Интересное добавление.

Шэн Цзыюнь оживился:

— Я тоже считаю, что это очень удачно. Этот эпизод добавляет глубины персонажам, подчеркивает трагедию Мавэйпо...

Чэн Фэнтай, давно переставший быть романтиком, скептически улыбнулся:

— Глубины? Ян Гуйфэй и так достаточно глубока.

Шэн Цзыюнь замолчал, понимая, что его высокие рассуждения бесполезны. Он чувствовал себя одиноким, как будто его искусство было слишком высоким для таких, как Чэн Фэнтай. Он еще больше возвысил Шан Сижуй, считая его небесным существом, упавшим на землю, которого никто не понимал, кроме него.

Шан Сижуй на сцене пел и играл, полностью погрузившись в роль, стремясь показать Чэн Фэнтаю самое лучшее, чтобы отблагодарить его за поддержку. Сегодняшний «Дворец вечной жизни» отличался от предыдущих. Шан Сижуй и Ду Ци долго работали над сценарием, сократили трехдневное представление до четырех часов, убрав лишнее и добавив недостающее. Это была самая удачная работа Шан Сижуй.

Под руководством Шэн Цзыюня Чэн Фэнтай начал что-то понимать, даже без объяснений улавливая смысл. Каждое слово проникало в его уши и сердце. Постепенно его легкомысленная улыбка исчезла, на лбу появились морщинки, и его взгляд стал глубоким. Он погрузился в спектакль, в мир Шан Сижуй.

Казалось, он пережил нечто, чего никогда не испытывал раньше. Один сон — одна жизнь, одна жизнь — один сон. Шан Сижуй был как дух, перенесшийся через века, несущий душу Ян Гуйфэй, поющий и танцующий, одиноко блуждающий, рассказывая о превратностях судьбы и изменениях мира. Время текло в его рукавах. Один взмах рукава — один вздох. Актер терял себя в роли, зритель — в сновидении. Чэн Фэнтай очутился в старом, ярком мире, следуя за спиной Шан Сижуй, проходя через Дворец вечной жизни, Мавэйпо, стены Бэйпина и переулочек Наньлогу. Вокруг него мелькали тени людей, он проходил мимо них, пока не оказался в белом или черном пространстве, поглощенный временем, без следа.

Это невозможно описать словами.

Чэн Фэнтай сидел молча, его дух блуждал в веках, внутри него происходили грандиозные изменения. Он чувствовал себя оцепеневшим, настолько, что перестал ощущать свое существование. Он не мог объяснить, что было так прекрасно в этом спектакле, но знал, что

Шан Сижуй унес его душу. Если бы это было в его студенческие годы, он бы, как Шэн Цзыюнь, написал бы тысячи слов о том, как это искусство и гуманизм переплетаются в спектакле. Но сейчас он не мог выразить свои чувства. Его жизненный опыт сделал его молчаливым и неуклюжим перед лицом потрясения.

Шан Сижуй закончил спектакль, зал осветился, и он посмотрел на Чэн Фэнтай, его лицо на мгновение выразило удивление.

Шэн Цзыюнь встал, горячо аплодируя Шан Сижуй, и с волнением сказал:

— Господин Чэн, я пойду за кулисы к Шан Сижуй, вы идите домой... Господин Чэн?

Он замер, увидев что-то ужасное.

Чэн Фэнтай сказал:

— Да, иди.

Шэн Цзыюнь с удивлением смотрел на его лицо:

— Господин Чэн...

Чэн Фэнтай провел рукой по лицу, оно было мокрым от слез. Он вытер лицо платком и сказал:

— Ничего. Свет слишком яркий... Я немного пьян. Иди.

Он был пьян, на этот раз очень сильно.

Позже, когда зрители разошлись, Чэн Фэнтай все еще сидел, не в силах прийти в себя. Он думал, что все трагедии, которые он видел раньше, такие как Ромео и Джульетта, по сравнению с этим спектаклем, были как плач вдовы на могиле — без боли, без искренности, просто мелодрама. Хотя «Дворец вечной жизни» тоже рассказывал о любви императора и наложницы, после изменений в сценарии и исполнении Шан Сижуй он стал другим. Он сместил акцент с любовной истории на взлеты и падения жизни, на переменчивость судьбы, что глубоко тронуло мужчин.

В зале многие аплодировали Шан Сижуй, кто-то приходил ради него, кто-то ради славы, кто-то ради зрелища. Но кто действительно понял его? Если бы они поняли, они бы, как Чэн Фэнтай, сидели в оцепенении, ожидая, пока их душа вернется из эпохи Тан, прежде чем они смогут двинуться.

Чэн Фэнтай вытер слезы платком, высморкался и вышел из театра. Он плакал, как дурак, и не мог больше показываться за кулисами — это было слишком унижительно.

<http://bllate.org/book/15435/1368572>